

Юрий Бычков

СКАЗАТЬ

ДА НЕ СОЛГАТЬ...

Москва
«ПРОБЕЛ-2000»
2009

Юрий Александрович Бычков
Сказать да не солгать...
Серия «Предназначение», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55329091
Сказать да не солгать...: ПРОБЕЛ-2000; Москва; 2009
ISBN 978-5-98604-193-3

Аннотация

Примечательная особенность книги «Сказать да не солгать» – её органичный историзм. Три среза драматического двадцатого века: предшествующее Великой Отечественной войне десятилетие, война, первые послевоенные годы – в рассказах только ещё вступающего в жизнь мальчика, в воспоминаниях отрока, активным участником трудового фронта, прошедшего через годы войны, и, наконец, юноши, приступающего к художественному осознанию и толкованию истории.

Содержание

Дом	5
Барышня-крестьянка	14
Спасибо Мурке	35
Банная благодать	47
Бабушка, мама, Крёсна и я	54
Вояж в Москву	62
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Юрий Бычков

Сказать да не солгать...

© Бычков Ю. А., 2009

* * *

Посвящается 65-й годовщине Великой Победы

Лопасня – terra incognita, земля неизвестная, если говорить об аспекте психологическом. Лопасня таковой и является по сей день. Дай Бог сказать о её людях, что знаю, чувствую, слышу в себе. Сказать да не солгать.

Дом

Сколько он видел и слышал, знает сколько! Только вот не говорит. Молчун он, старый дом, родительский дом. А как хочется, чтобы он заговорил. Не должны кануть в Лету лопасненские были. Мне почему-то кажется: стоит расшевелить память хотя бы одного сторожила, и начнут вспоминать былое, заговорят многие.

Низ – каменный, верх – деревянный. Дом Бычковых. Таких характерных для эпохи пореформенного капитализма зданий в Лопасне с десятков. Возраст у дома почтенный – сто двадцать пять лет. Что за век с четвертью в стенах дома произошло? Кто жил, трудился, созидал, кто только небо коптил? Чего греха таить, и такое было на его веку. В саге «Сказать да не солгать», романизированной истории одного лишь семейного клана, фрагменты биографий, многие сюжетные ходы и описания связаны с Домом. Сегодня он не принадлежит Бычковым. Герои этой книги либо завершили свой жизненный путь, либо давно сменили адрес. Автор не разбрасывался и со всей, свойственной ему непринуждённостью, вспоминал, рассказывал о главном, о том, чего забывать не следует. По разным поводам возвращает он читателя в дом Бычковых, в свою прошлую жизнь.

В доме Бычковых за его долгий век, кто только не побывал – разного калибра, разной общественной значимости и

веса личности. Дом у дороги... Собственно, сам дом – порождение дорог, движения, настойчивого стремления к росту, развитию.

Дом построил в 1885 году мой прадед Сергей Алексеевич Бычков, как теперь бы сказали, – представитель малого бизнеса. Он держал извоз, – по-нынешнему транспортную контору. Значительных доходов это лошадиное дело, видимо, не приносило, а честолюбие у Сергея Алексеевича было превеликое.

Молодой и рьяный, он высмотрел невесту (не скажешь, что себе под стать) в богатом купеческом доме в расчёте на финансовую поддержку со стороны отца жены. Тот ограничился приданым, понимая, что сама невеста – редкостный бриллиант. Матрёна Дмитриевна – красавица, умница, а отдаёт он её в руки неказистого, тороватого, нахрапистого коневода. Видать, сваты сумели пыль в глаза пустить бегичевскому купцу, до Лопасни-то от села Бегичева два десятка вёрст – ври сваха вволю! Что собой представлял жених, если рассуждать о наружности его, – молодой человек небольшого роста, угловатый, корявый. У Матрёны Дмитриевны, когда они стояли рядом, его, начинающая лысеть макушка торчала на уровне её правой подмышки. Она снисходила, гладила темечко Сергея. Он, словно опасаясь ласки молодой жены, ёрничая, шутил:

– Голову любят, а волосы дерут.

Добрая, со склонностью к дородности, сильная, терпели-

вая необычайно, Матрёна взглядывала на него, как смотрят большие люди на малорослых, – снисходительно. Это его заводило либо на любовь, либо на битьё. Высокая, статная, в чёрном шёлковом платье, на пышные плечи накинута гипюровая безрукавка, на диво хороша Матрёна Дмитриевна. А его от этого злость берёт. Поведёт она плечом – ему мнится, будто она кого к себе манит, и он тотчас съездит ей кулаком по шее, причёску испортит. И пошёл, и пошёл на неё наскакивать с кулаками. С недоумением и сарказмом вспоминается поговорка: «Бьёт – значит любит».

– Ну, что ты, Серёжа, разошёлся: бьёшь и бьёшь?! Все руки себе отбил, дурачок.

Начало этому битью было положено, когда они ещё были молодоженами. Бил он Матрену, понуждая идти к родному батюшке и просить дать денег на строительство нового дома. Дескать, прибавления в семействе ждём, первенца – сына. Откуда он знал, что родится сын? Матрёна, которая была на сносях, никак не могла позволить себе явиться в отчий дом попрошайкой. Тогда Сергей надумал сломить её волю ямщицким манером. В зимнюю пору это было. Сергей с Матрёной проезжали мимо дома её родителей. Муж, выпихнув из саней беременную супругу в снег, перепоясал её со злобой кнутом и приказал:

– Иди к отцу, проси помочь с домом. Без денег не возвращайся!

Матрёна вернулась к злыдню-мужу на следующий день,

передала ему завёрнутые в платок восемь сторублёвых ассигнаций. Дом в один сезон был построен. Горя в новом доме было куда больше, чем радости, семейного счастья. Первенец, Иван Сергеевич, мой дед, которого мне повидать не пришлось, он был убит в августе 1914-го в Восточной Пруссии. По свидетельству тех, кто его видел живым (моему отцу, старшему его сыну, было восемь лет, когда Ивана Сергеевича забирали на войну, Первую мировую, и он вполне осознанно свидетельствовал: «Отец был ласковым, добрым, заботливым»). Иван Сергеевич, дед мой, – человек больших достоинств: любимый муж, заботливый отец, высоко ценимый на московском военном заводе лекальщик-размётчик. На двух фотографиях семейного архива – он молодой, бравоый, с весёлым, приятным, располагающим к себе лицом, весь в мать, Матрёну Дмитриевну. Благодатная была родительница Матрёна, но не только её хромосомы, а и гены Сергея Алексеевича сказали своё слово, качественно присутствуют в психофизических структурах всех Бычковых, что, естественно, закономерно. Сегодняшние Бычковы пошли от них – Матрены и Сергея.

Таким, на основе скудных известий, пришедших из того далёкого времени, видится мне строитель дома, прадед Сергей Алексеевич Бычков. Полагаю, это весьма характерная фигура времени первого приступа России к строительству буржуазного, основанного на товарно-денежных отношениях, общества.

Так случилось, так сложились обстоятельства – Дом во всю свою долгую жизнь (за исключением двух последних десятилетий) имел хозяина корневого. Наследование, жизнь наследников в доме позволяет понять, оценить, что даёт, каковы плоды жизни-наследования в СВОЁМ доме.

Строитель, Сергей Алексеевич Бычков, из-за неуёмного, холерического темперамента, непомерной гордыни, видимо, потух, как свеча на ветру, скончался на сорок пятом году жизни.

С 1908-го настаёт эпоха Матрениного, женского, царствия.

Следует, как говаривали в старину, обратить сугубое внимание на стволую ветвь, поднявшуюся от корня – двух, давших основание роду лопасненских Бычковых (Сергей Алексеевич, пора об этом сказать, – серпухович) супругов.

Старший сын Сергея и Матрёны Иван Бычков – сдержанный не в отца, с характером мягким. Он покладист, улыбочив, ласков в мать, рукастый, дельный, сообразительный в отца. Где, у кого учился – незнамо, неведомо, а стал высоко ценимым слесарем-лекальщиком, размётчиком. Он работал в Москве и жил у Рогожской заставы на съёмной квартире. Как вспоминала его жена, моя любимая бабушка Анна Игнатьевна.

– Жильё скромным было – в окошко, что на улицу глядело, вернее сказать, подглядывало, видны были лишь ноги идущих по тротуару.

Если Бычковы видели только сапоги и штиблеты москвичей, то их жизнь, оказывается, была под «глазом». Околоточный обратил внимание (посматривая иногда, низко наклонившись, в то самое, глядящее на тротуар, окошко): хозяин сидит за столом и читает. Уж не запрещённую ли марксистскую брошюру? Зашёл познакомиться с книгочеем-рабочим – читает «Ниву», журнал почтенный, просвещенческий. Полицейский после того визита Ивана Сергеевича за уважал. Мне, литератору, что и говорить, пристрастие деда душу греет.

С Лопасней, с отчим домом, отпочковавшаяся молодая семья Ивана Сергеевича связей не порывала. В московские годы народились трое детей: Александр, Сергей, Софья. Иван не отставил в сторону свою профессию слесаря-лекальщика, дававшую возможность содержать семью, не покинул завод, когда умер отец, и, по логике событий, он должен был встать во главе извозчичьей фирмы. Не польстился на тягловый бизнес, и всё тут! Однако в 1914 году его, Ивана Сергеевича, гибель на войне вынудила вдову с детьми (Сашке – 8, Соньке – 5, Сережке – 2) покинуть Москву и жить в построенном Сергеем Алексеевичем доме.

Старший сын Анны Игнатъевны Александр в 16 лет (спасая его, любимого внука, от тифа погибает Матрёна Дмитриевна) станет фактическим хозяином дома. 69 лет он с достоинством исполнял эту ответственную функцию.

Коренной местный житель! Кто не знал, не чтил в Лопасне

Александра Ивановича Бычкова! Так же, как его отец Иван Сергеевич, он без специальных учебных заведений, самоучкой, что ли, стал замечательным финансистом – классиком советского бухгалтерского учета. Полвека он – главбух ведущих лопасненских учреждений и предприятий, а выйдя на пенсию, осуществляет ответственные ревизии финансовой деятельности предприятий Министерства химической промышленности СССР.

В 1929 году он женился на Татьяне Велемицыной, симпатичной, трудолюбивой, одарённой многими талантами девушке из села Стремилова. Так же, как у его отца, в семье Александра Ивановича и Татьяны Ивановны Бычковых трое детей. В соответствии с лозунгом, провозглашённым создателем на просторах Российской империи Советского государства В. И. Лениным: «Учиться, учиться и учиться», все трое из этого поколения семейства Бычковых – люди с высшим образованием. Старший сын, автор саги «Сказать да не солгать», Юрий Александрович Бычков, окончил лопасненскую среднюю школу, в которой, при блистательном педагогическом составе, получил, скажу, несколько не преувеличивая, крепкие, основополагающие знания. Затем – Московский авиационный институт и... самообразование, давшее возможность стать журналистом, искусствоведом (член Союза художников с 1974 года), драматургом (член Союза театральных деятелей), музейным деятелем (директор, заместитель директора, ведущий научный сотрудник Государствен-

ного литературно-мемориального музея-заповедника А. П. Чехова), действительным членом Международной академии наук о природе и обществе – секция музееведения, искусствоведения, нумизматики, одним из создателей и постоянным членом Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, её Почётным членом, автором-создателем туристского «Золотого кольца», действительным членом Международной академии наук экологии, безопасности человека и природы, заслуженным работником культуры РФ и прочее, и прочее. Так сказать, учёности дань отдана сполна. И не стоит упускать и того, что литератором Юрием Бычковым написано более сорока книг.

Сестра моя Галина Александровна после школы окончила Московский институт химического машиностроения, до выхода на пенсию работала на предприятиях атомного комплекса страны.

Мой младший брат Владимир Александрович Бычков – профессор кафедры госпитальной хирургии Российского университета дружбы народов, доктор медицинских наук, руководитель курса детской хирургии на базе Морозовской детской городской клинической больницы. Кроме личных научных трудов и участия в коллективных изданиях, он вправе гордиться тем, что отмечен наградами за участие в качестве полевого хирурга госпиталя в Гудермесе (сотни операций, спасших жизни бойцов и офицеров, мирных гражд-

дан).

У каждого из нас троих есть дети, и они так же отдали дань учености. Моя дочь Елена Юрьевна Николенко – кандидат филологических наук, доцент МГУ. Окончивший Московский художественный институт имени В. И. Сурикова, Сергей Юрьевич Бычков – известный московский скульптор, автор крупных монументальных работ и музейной ценности станковой скульптуры. Такое же наращивание научного потенциала наблюдается и в семьях сестры и брата.

И ко всему этому причастен лопасненский Дом, тот самый родимый причал, о котором поётся в известной песне. Все мы, Бычковы, а по женской линии Бычковы, ставшие Прониными, Николенко и т. д., дорожили домом, пока живы были наши родители, и дорожим памятью лопасненских предков ныне пуще прежнего.

В доме кто только не гостил, не бывал. В памяти каждого он отзывается ныне благодарным чувством. Дом, впрочем, только один из многих в Лопасне-Чехове, истории которых, полагаю, во многом близки истории дома Бычковых.

Барышня-крестьянка

«Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» во многом заодно с историей любви и женитьбы страхового агента Александра Бычкова, родом из Лопасни, и девицы Татьяны, дочери крестьянина села Стремиллова Ивана Ивановича Велемицына.

Как в сказке Пушкина царица, так и родная мать Татьяны «восхищенья жизнью не снесла», на мужа богоданного «в последний раз взглянула, тяжёлёхонько вздохнула и к обедне умерла». Иван Велемицын, точно царь из сказки, «долго (год) был неутешен, но как быть? и он был грешен» – женился на другой. Жизнь, конечно же, не повторение сказки. Все злодейства мачехи из пушкинской сказки к Тане не относятся – мачеха была доброй, незлобивой, тёплой к падчерице женщиной.

Страховой агент из Лопасни, вроде как королевич Елисей. Явился в образе постояльца в доме Велемицыных, очаровал сельскую красавицу, законной женой ввёл в свой дом, дабы хозяйкой молодой жизнь укрепилась, усилилась, обогатилась, чтобы дети народились.

Для порядку немного о Стремилове. Происхождение названия, в общем-то, лежит на поверхности. Но выслушаем знатоков.

Два почтенных краеведа, два лопасненских историка, два

Алексея – Алексей Михайлович Прокин и Алексей Васильевич Макаров – про то проведали в старинных книгах и архивах.

К середине шестнадцатого века земли по речушке Хоросинке (так и вьётся вокруг пера рифма лирического свойства: течёт речка Хоросинка – приди, милый, хорошенький) получил новокрещёный татарин Собакин. Его владения находились по большей части в древней волости Голичихе, известной по летописным свидетельствам с двенадцатого века. Собакину, видимо, полюбилась ласковая земля вдоль речки Хоросинки и он основал на этом месте село, дав ему своё имя – Собакино. Позднее земли сии приобрёл боярский сын из Боровска Михаил Иванович Стромиллов, и село стали именовать Стромиллово, Собакино тож. Как просто! В середине девятнадцатого столетия явилось на свет окончательное название села – Стремиллово. Объяснение этой лингвистической метаморфозы лежит на поверхности. В 1852 году в селе насчитывалось 180 дворов – 436 лиц мужского пола и 546 женского. Слишком много для пропитания на скудных подзолах бассейна Хоросинки. Населению Стремиллова остро не хватало лесных и луговых угодий. С десятины земли стремилловцы получали 2 рубля дохода, а налогов платили 4 рубля 20 копеек. Поневоле приходилось заниматься отхожим промыслом. Многие стремились устроить жизнь за пределами родного села.

Что и говорить, в имени села, где крестьянствовала семья

Велемицыных, заключено центробежное начало, некая сила, влекущая к иным пределам. Все дети Ивана Ивановича, не исключая младшенькой Танечки, разлетелись из родного стремиловского гнезда...

Первопроходцем оказался Василий Велемицын, которого мальчиком десяти лет определили в ученики не к сапожнику, как чеховского Ваньку Жукова, а к купцу-меховщику. Заглядывая вперёд на тридцать лет, узришь Василия Ивановича Велемицына в роли ведущего эксперта по мехам и пушнине Внешторга СССР.

Семён Иванович начинал московскую трудовую биографию учеником слесаря-водопроводчика, а в середине тридцатых годов, по окончании экстерном технического вуза, он в чине генеральском возглавил строительство одного из номерных московских авиационных заводов.

Имя Александра Ивановича Велемицына золотыми буквами вписано в историю Великой Отечественной. Вступив в 1941 году в ряды народного ополчения, он, пехотинец с противотанковым ружьем, прошёл, именно прошёл с боями, путь от Москвы до Берлина и был в числе героев, удостоенных чести на параде Победы 24 июня 1945 года сложить к подножию мавзолея одно из двухсот знамён разгромленных фашистских полков и дивизий.

Для наложения важных, ярко-живописных, мазков на портрет Татьяны Велемицыной следует рассказать о жизненном пути и особенностях характера её старшего брата, а мо-

его дяди, Василия Ивановича.

1914 год. Серпуховской уезд Московской губернии. Призывной пункт в селе Стремилове. Вася Велемицын желает стать военным моряком. Идёт отбор. На флот берут рослых, крепких парней.

– Я, – вспоминал Василий Иванович, – на комиссии сразу так и выпалил: «Буду обязательно моряком!»

Отобрали 35 человек – запрос был на 33 матроса. Двое, выходит, лишние.

– Кем, – спрашивают Василия, – работал?

Он загодя сообразил, что, если скажешь про то, как восемь лет в лавке у меховщика вертелся, ни за что не возьмут в матросы.

– Котельщиком, – ответил Велемицын, и его вроде как оставили для Морфлота. Но тут является на призывной пункт, неожиданно-негаданно, всамделишный штурман с Волги. Его берут без всяких, на ура и присматриваются, кого бы «из лишних» в артиллерию сплавить.

– Ну, думаю, пропало дело. Всё же взял себя в руки, собрался с духом: «Что бы ни было, а на флот попаду!» Вид у меня в тот момент был решительный. Смотрит на меня морской командир с Балтики и видит: горит парень огнём – приступить с отводом не стал, а был я из 35 отобранных ростом поменее других.

В Петрограде два месяца муштровали новобранцев. Добротню вбивали тот заманчивый лоск военных моряков, кото-

рому так завидуют, глядя со стороны, сверстники, скажем, попавшие в пехоту, а пуще того штатские.

– Когда привезли нас в Питер, – с азартом рассказывал Василий Иванович, – мы всего-навсего – новобранцы брیتые. Построили. Ведут. А по казарменному плацу в это время строй проходит морской. Увидал – так и забило меня. До чего же красиво! Синюю морской по глазам полоснуло. Ну ослеп и всё. Стою рот разинув. А другое оказалось поважней. Два месяца пролетело, а я, деревенщина, не хватился, что назвался котельщиком. А тут прибегают однажды боцман и командует:

– Приготовиться к экзаменам на специальность. В 17.00 быть в штабе.

Два часа остаётся всего-то. Я дружка своего прошу: растолкуй, что ж это такая за профессия котельщик, что к чему. Он мне и начал объяснять устройство паровой машины. «Представляешь, говорит, станина железная, а в ней цилиндр ходит...» Я какое-то время работал в шляпном магазине, меховые шляпы дамам предлагал. Ломаю голову, как это он там ходит цилиндр? Так что ли ходит, как напяливают на голову цилиндр шляпный? Ну это мне куда как хорошо известно, а как в станине-то цилиндр с поршнем обращаются? Это мне невдомёк! Говорит дружок про золотник, а мне представляется этакая золотая штучка. Одним словом, ни черта я не понял! Прошу товарища: «Скажи хоть, как эта машина включается». Он свободно показывает рукой и го-

ворит: «Ручку дёрнул вверх – пошла машина, вниз – остановка».

Начался экзамен. Друг мой первым отвечать вызвался.

– Где, – спрашивают его, – работал?

– На Адмиралтейском. – Кем?

– Сборщиком-механиком.

– В минёры.

Дошло до меня.

– Ты кто по специальности?

– Котельщик.

– Где работал?

Вспомнил я московский заводик – делали там всякого рода крючки и кронштейны для магазинов галантереи.

– Что-то я такого котельного завода не знаю, – говорит экзаменатор. – А много там рабочих?

– Да кто же их считал. Много народу ходит по заводу.

Вот тогда он понял, что я говорю, сам не зная что, и решил вывести меня на чистую воду.

– Ну, давай объясняй, как котёл в паровой машине работает.

Что я мог сказать? А сдаваться нельзя!

– Дёрнешь, говорю, ручку вверх – машина пошла, дёрнешь вниз – встала.

Ухмыльнулся экзаменатор, ничего не сказал и против моего номера (под номерами мы тогда ходили) размашисто начертил: «В кочегары».

Тут я совсем растерялся. Как же так в кочегары? Вся цель моя, мне восемнадцать, шикануть белизной морской формы, а кочегар – кочегар вечно перепачканный, тёмный. Нет, думаю, будь, что будет, а кочегаром не стану! Выстроили нас после экзамена по командам – команда минеров, команда электриков, команда кочегаров. Вышел к строю адмирал с офицерами.

– Так вот, братцы, теперь вас пошлём по школам. Служите старательно, гордитесь своим морским званием.

Только он кончил, я по всей форме выступаю вперёд и обращаюсь к адмиралу:

– Что хотите со мной делайте: хотите – расстреляйте, хотите в штрафной батальон направьте, а только кочегаром я не буду.

Удивился адмирал, пожал плечами:

– Это вам не гражданская вольная жизнь, а служба. Где нужен, там и служить будешь, – однако он на мгновение задумался и обратился ко мне:

– Кем ты, собственно, хочешь быть?

– Только минёром.

– Проэкзаменуйте его по русскому и арифметике.

Стал меня офицер, связной адмирала, заставляя всякие задачки решать. Ну понапутал я порядочно. Восемью восемь тридцать два у меня выходило. Разволновался я очень. Офицер сочувственно так на меня посмотрел, спросил душевно:

– Не подведёшь, браток?

– Нет, ваше благородие. Не подведу. Хорошо учиться буду.

Подходит тот офицер к адмиралу:

– Разбирается матрос. Я ему дал 4 балла.

Так попал я в минную команду. На следующий день отправили нас учиться в Ревель.

...В июне 1915 года отряд русских кораблей – крейсер и три эсминца – вышел из Ревеля в открытое море. Вблизи шведского острова Готланд произошло сражение с германской эскадрой. Бой шёл жестокий – эсминец получил несколько пробоин, в составе команды убитые и раненые... Таким было боевое крещение Василия Велемицына.

По возвращении на базу понюхавшим пороху матросам офицеры-дворяне толковали о верности трону, а, между тем, год с небольшим миновал, и грянула весть об отречении царя Николая Второго от престола. Начались митинги и демонстрации. Довелось Велемицыну видеть унижительную процедуру прибытия в Ревель уполномоченного главы Временного правительства Керенского. Этот гражданского обличья господин был наделён огромной властью – контролировал все действия командования флота. Тут и началась буза – шум, беспорядки, самовольство. На первый план выдвинулись анархисты.

Матросы крейсера, в команде которого Велемицын состоял, весной семнадцатого года при переходе флота из Ревеля в Гельсингфорс взбунтовались. По решению судового коми-

тета были расстреляны старшие офицеры. На главной базе Балтийского флота экипаж расформировали, и судьба матросов решалась в открытую. Выстроенных во фронт бунтарей должны были распределить по кораблям, которым предстояло стать участниками Моонзундского морского сражения.

Перед строем в несколько сотен человек появился при всех регалиях контр-адмирал. Судьбоносные мгновения. Василий Велемицын, по его рассказу-исповеди, решил: пан или пропал. «Пропал» значило для него покорно подчиниться намеченному списочному распределению по кораблям, уходящим в сторону Моонзундского архипелага. «Значит, в ближайшем будущем, – рассуждал Велемицын, – кормить рыб в Рижском заливе. Я помирать не хочу. За кого? За белую кость?? За революцию, чьё зверское лицо увидел во время бунта на крейсере? Как избежать этого?» Он решает заявить о желании стать подводником. Другого выхода не было. Он единственный на переформировке вышел из строя. Сделал три шага вперёд.

– Кто таков? – грозно вскинулся, предполагая в нем бунтовщика, адмирал.

– Старший матрос Василий Велемицын. Прошу зачислить в команду подводников.

Адмирал счёл за лучшее подчиниться его волевому напору. Подлодка, как предполагал Велемицын, не скоро выйдет в море из-за технической неготовности к походу.

Подводники главной базы Балтийского флота летом семнадцатого года делегировали вдумчивого, рассудительного старшего матроса Велемицына в члены Центробалта. Центральный Комитет Балтийского флота являлся высшим органом власти, без его санкций ни один приказ, касающийся действий кораблей, не мог иметь силы. В совершении большевиками октябрьского переворота Центробалт сыграл решающую роль. Но к февралю 1918-го пути Центробалта и ленинского ЦК разошлись. Два ЦК, как два медведя в одной берлоге, ужиться не смогли. Василий Иванович рассказывал, что в ночь с 11 на 12 марта 1918 года из Петрограда в Москву шли на близком расстоянии друг от друга два литерных поезда: в первом ехали члены правительства Ленина-Троцкого, во втором – запрещённый этим правительством, почти в полном составе бунтующий Центробалт.

– Если бы мы знали, кто впереди маячит, мокрого места от них бы не оставили.

По прибытии в Москву Василий Велемицын как член распущенного Центробалта, имевший при себе мандат на право трудоустройства в высоких сферах, пожелал забыть своё матросское революционное прошлое. Он пересел на поезд, идущий на юг, сошёл на станции Лопасня, нанял извозчика и к вечеру оказался в родном доме. В Стремилове натурализовался в заправского крестьянина и прожил в этом образе до вожделенной кратковременной эпохи, именуемой НЭПом, новой экономической политикой, к которой вынужден был

прибегнуть вождь большевистской партии Ленин.

Меховщики-нэпманы приняли Велемицына в свою компанию с распростёртыми объятьями. Василий Иванович – знаток мехов и пушнины, спец высокого класса – а ведь неграмотный человек. Когда у него попросили для отдела кадров мехового треста написать автобиографию, он встал в тупик. Выручила представительного красавца пишбарышня Галя Окунева: он рассказывал ей свою жизнь – она на ун-дервуде отстукивала революционную биографию. Галя возблагодарила счастливый случай. Именно он, Василий Велемицын, – её герой, судьбоносный мужчина. Они поженились.

Сбежавшая в революцию из дома купца первой гильдии, крупного волжского судовладельца Ивана Окунева, красивая, образованная девушка влюбилась, что называется, с первого взгляда. Велемицын не таясь стал втолковывать пламенной революционерке: он ни за кого, политика – сплошная грязь и подлость, для него в этой жизни достаточно быть честным человеком.

Все относительно. Жизненное кредо Василия Ивановича Велемицына в то, до чрезвычайности сложное, время могло вызвать скептическую улыбку у многих и многих. Что, значит, «будь честным – вот и вся политика»? Можно догадаться, что он имел в виду свою, личную, честность. Честность специалиста, «честность» аполитичного гражданина.

Но не трудно предположить, что произошло бы, явись он с мандатом члена Центробалта за получением обещан-

ной большевистским правительством синекуры при трудоустройстве. Особое внимание органов к его персоне можно было гарантировать, а это сулило в ближайшем времени «преследование по политическим мотивам». Велемицын в Центробалте был приписан к анархистам, поскольку все «конструктивные» политические партии не подходили ему в силу внутренних убеждений. Так сказать, он анархист не по призванию, а по необходимости заполнения хоть как-то графы «партийность». Он, кстати сказать, из Петрограда удирал (любой другой глагол не подходит) в поезде анархистствующей, бунтующей даже без всякого повода, «революционной» матросни... Перейдя с Петроградского вокзала на Каланчёвку, этот волевой, энергичный, сильный, умный, рассудительный и осмотрительный русский человек навсегда порвал с политикой. Переждав в подмосковном Стремилове выяснение отношений с оружием в руках между красными и белыми, он приезжает в Москву и заявляет о себе как о специалисте-меховщике, аполитичном специалисте. До того, как он был призван на службу и стал балтийским военным моряком, он восемь лет проработал в меховом ателье и в совершенстве постиг профессию. Естественно, и не стоит в этом сомневаться, человека воспитывает среда. Меховщики – не сапожники. Буржуазная закваска, полученная в салонах, ателье, где клиенты – сплошь состоятельные люди, в нём держалась прочно. На старых купецких дрожжах опара поднялась выше некуда! Он очень скоро завоевал в нэповской Москве

репутацию эксперта высокой пробы. Соответственно, и доходы росли, но он не заступал за границы своей компетенции – в аферах, торговых сделках сомнительного свойства никогда не участвовал. Это, по его строгому счёту, значило быть честным.

Всю жизнь он прижимист, аккуратен в денежных расчётах. Честность спеца уберегла его от афер, не дала поскользнуться, упасть.

Спрятав в подполе стремиловского отчего дома маузер и мандат Центробалта, он уберёг себя от политического сыска и неизбежного расстрела, честность меховщика (что, вероятно, большая редкость), отменная репутация специалиста спасали его как от сумы, так и от тюрьмы.

Даже и защита авторитетом мандата Центробалта корпоративных интересов меховщиков в условиях НЭПа, когда многое зависело от покровительства, юридического в первую очередь, большевистских властей, не прельстила его.

Велемицын, отлично сознавая выгоды своего положения – мандат Центробалта в кармане – пока на подозрении у правительства Ленина-Троцкого он не находится, но таковое следует предполагать в будущем, затаился, жил тихоней, из строя больше не вышагивал.

Что это? Политический индифферентизм? Крестьянская прагматическая сообразительность? Расчётливость?

В самом деле, стоит ли отдать жизнь за то, чтобы возобладали власть большевиков? Как бы не так! То ж, чтобы в

схватке победила дворянская белая кость? Он сознаёт: и одно и другое – сулит крестьянину рабство. А он по психологии – крестьянин.

Василий наслышан, что всем, кроме «избранных», то есть большевиков (то же было в Центробалте до его отпуска), никакого доверия! Кадетов, меньшевиков, представителей деятельной части русской интеллигенции власти выявляют, а затем расстреливают или высылают из России. На поверку не столь глуп беспринципный вроде бы Велемицын. Со своим индифферентизмом, безучастным отношением к схватке «красных и белых» он оказался вне схватки, оказался необходимым жизни «спецом».

Пройти между Сциллой и Харибдой (политикой и экономикой в человеческом, личностном измерении), не царапнув бортами о гибельные рифы, – выдающееся достижение. Осмотрительность, аккуратность, сдержанность в суждениях, выверенность оценок, молчаливость, невольно кладущая на лицо печать угрюмости, – добродетели не из числа обожаемых жизнелюбивыми, социально активными гражданами. Вот такого «лирического героя» взяла себе в мужа обаятельная, нежная, весёлая, общительная Галя Окунева. Мать её – из дворянского сословия. Закончила институт благородных девиц. Языки, фортепьяно, классическая литература – всё это было предоставлено и дочери Галине. Отец – волжский судовладелец, купец первой гильдии Иван Герасимович Окунев. Прототип персонажей пьес Островского и Горького.

– Окунь – рыба хищная, – любил он поозоровать, побахвалиться, совершив удачную сделку по поглощению конкурентов: всяких там плотиц да пескарей.

Это хищничество юную Галю Окуневу буквально терзало нравственно, она грезила бунтом, революцией. Знакомая по пьесам Максима Горького о предреволюционном разладе, расколе в семьях хозяев жизни – купцов, присяжных поверенных, полицмейстеров и иже с ними история.

Грёзы революционерки из семьи Ивана Окунева под эгидой – покровительством и воздействием – сильного характера мужа, её тогдашнего бога Зевса, отвергшего революционные миражи, испарились, исчезли как дым, как утренний туман. Она перестала быть «пишбарышной» и стала женой нэпмана среднего пошиба.

Велемицын, оформив брак с девицей Окуневой, повёз молодую жену в Стремилово, где Галина впервые увидела сестру мужа, свою сверстницу Татьяну Велемицыну Василий Иванович молчалив, сосредоточен, угрюм, углублён в себя. Нашёл – молчит и потерял – молчит. Нелюдим, по сути. Таня – открытая, прямая, общительная, любознательная, обворожительная. С Галиной Таня Велемицына – не разлей вода. От утра до вечера вместе – никак не наговорятся. Дело кончилось тем, что Галина зазвала золовку в Москву. Погостить. Помочь принарядиться. На людей посмотреть – себя показать.

Василий Иванович не противился намерению жены по-

мочь младшенькой в семье Велемицыных выйти в люди: у Татьяны возраст невесты, она на пороге замужества. В крестьянстве чем раньше дочь выйдет замуж, тем лучше. Таня превосходная работница, красавица, говорунья, ко всему этому – рукодельница, как большинство стремиловских девиц. Она в гостях, на посиделках, в дороге, в ожидании приёма у врача вяжет – спицы, крючки и нитки всегда наготове. Кружевные салфетки, накидки, подзоры являлись на свет из-под её ловких, стремительных пальцев, будто это происходило само собой. Кружева рождались из света и радости как выражение самого её существа.

Галя не схватилась бежать по Таниной тропе, а просто глаз не могла оторвать от стремиловской золовки, успевающей делиться сокровенным и при том не выпускать спиц из рук. Разговорам время – покупкам час? Какое там! Случалось – Кузнецкий и Петровка от завтрака до обеда в их распоряжении.

Как ни прижимист Василий Иванович, но Галя, ради так полюбившейся ей новоявленной подруги-родственницы, растрясла его кошелек в походах по модным магазинам. Купили несколько платьев – модели последнего времени, побывали у хорошего дамского мастера в парикмахерской на Петровке. Московский цирюльник высшего класса нашёл, что барышню-крестьянку надо как следует причесать и только. Его восхитила природная сила и красота Таниных волос. А затем – обувь по моде, пальто дорогого сукна, бижутерия. До

бриллиантов дело не доходило, а тем не менее преобразование шло по полной программе. Побывали во входящем в жизнь Москвы кинотеатре на Триумфальной площади в доме Ханжонкова. Воспользовались, и не раз, услугами такси. Одним словом, прожили в любви и дружбе Галя с Таней целых две недели.

– Славно я у вас гостевала, – радовалась Стремиловская золовка.

– Не тем богаты, что есть, а тем богаты, чем поделились, – вторила ей в упоении от проведённых вместе московских дней Галина. Ласково улыбаясь, она, расправляла кружева манжет и плетёный воротничок Таниной работы – подарок на память. Стремиловская невеста с любопытством рассматривала себя, преображённую в городскую модницу. В большом красивом парадном зеркале она с трудом себя узнавала. «Свет мой, зеркальце, скажи!» – засмеялась вслух своему тайному обращению к объективно отражающему реальность стеклу Таня. Что там говорить, зеркало богатой московской квартиры порадовало её. Отражение ей, в общем, понравилось. Хороша Татьяна!

Василий Иванович с привычно бесстрастным выражением лица, едва тронутого характерной велемицынской ироничной улыбкой, оглядывая принарядившуюся Таню, подытожил:

– Приехала девкой, уезжаешь барышней.

Так оно и было. В Стремилове Татьяна всё так же ловко,

спору, ухватисто успевала вершить возложенные на неё по крестьянству дела и обязанности и тут, известное дело, не до примерок московских нарядов и украшений. Зато по вечерам, на уличных гуляньях и в клубе, Таня выделялась среди подруг непривычной для стремиловских молодых эlegantностью. Зависть у подруг вызывали столичные духи, пудра фирмы «ТЭЖЭ», входившие в моду заграничные кремы – всё это было большой редкостью. Галя успела привить Татьяне вкус к этим тонким средствам обворожения кавалеров, среди которых оказался в ту пору командированный в Стремилове страховой агент Александр Бычков. Он выделил Татьяну Велемицыну из хоровода стремиловских невест. Высокий стройный красавец, одетый по моде, деловой,образительный, влиятельный в силу своей финансовой профессии. Барышня-крестьянка Таня Велемицына потянулась к нему.

Не зря говорится, всякая невеста для своего жениха родится. Так же по пословице рассудили молодые: не жить приданым, а жить с богоданным. Кое-какое приданое: подушки, одеяла, белье, шубейки и тулупчик, обувка, само собой разумеется, московские наряды и прочее – необходимое Татьяне для её новой жизни вдали от родного дома, в Лопасне, – погрузили в телегу и доставили в дом жениха. Бог троицу любит. Как обойтись без третьей, к свадебным заботам причастной пословицы: «Кто на невесту шьёт, помолодеет». В старые времена готовились к свадьбе, как главному событию

в жизни женщины, готовились загодя, всем миром. По преданию, семь ближайших подруг обшивали, готовили приданое невесте. В Стремилове так не случилось. Невеста выделялась из своего окружения самостоятельностью характера, индивидуальностью вкусов и пристрастий. Обшивала она себя сама.

Дружба с Галиной Окуновой, женой старшего брата Василия Велемицына, поездки в Москву за опытом и новинками столичных модельеров – карты в руки сельской невесте. Её платья, юбки, кофты ничуть не похожи на изделия стремилловских портних. Щеголеватому лопасненскому жениху это по душе. По девице и тафтица. Так-то!

В жилище жениха, в деревянных хоромы Бычковых, в коих предстояло прожить весь свой век Татьяне Велемицыной, которая, переименовав в ЗАГСе фамилию, став Бычковой Татьяной Ивановной, в скором времени, как и должно было по всем данным произойти, случилось не громкое преобразование – обретение иного образа, вида, иной эстетической сущности, иного мироощущения назначенной судьбой среды обитания. Не имея средств и возможностей для преобразования хором: перепланировки, достройки, ради избавления от тесноты, одноразовой замены мебели на стильную, молодая хозяйка осветлила, одухотворила интерьеры дома Бычковых по своим возможностям. Не агрессивно, не демонстративно, без обсуждений-дискуссий – явочным порядком кровати, стол, комод, книжная этажерка, диван, занавес-

ки на окнах украсили кружевные покрывала, накидки, салфетки, скатерти, подзоры. Во всём доме красоту, уют, душевное тепло и свет несли связанные ею, Татьяной, узорчатые, сетчатые кружева, изжившие аскетическую среду пустоватых и бедноватых хором. Подоконники – в цветущих геранях, гвоздиках, разноцветных петуньях. Вымытые молодой хозяйкой до янтарного свечения широкие сосновые плахи полов в горнице дополняли тканые многоцветные половики-дорожки. Умиротворение, чувство благодного покоя воцарилось в доме.

Бабе дорога – от печи до порога. Так обещала безнадежно устаревшая к тому времени пословица. Вдвоём, на пару со свекровью, вести дом Татьяне неуместно – она сразу же ступила через порог, стала колхозным счетоводом, «министром финансов» в колхозе «Красный Октябрь».

Всё, что сказано об имени и характере Татьяны в книге «Имени тайная власть», соответствует, как теперь принято говорить, адекватно с честью прожившей свой век конкретной личности – Татьяне Ивановне Бычковой. По ходу повествования, на поступках, делах и случаях её жизни, можно убедиться в справедливости предназначения этого имени... Итак.

«Татьяна упряма, властна, целеустремлена, не терпит возражений, порой деспотична, истерична тож. Это эмоциональный, артистичный человек с огромным обаянием. Эгоцентрична, не сентиментальна. Очень субъективна. Потен-

ция личности колоссальная, по свойствам характера не всегда реализуемая. Татьяна общительна и коммуникабельна, хотя не очень-то считается с близкими. Верность в ней соединяется с чувством собственного достоинства. Мягкий романтизм и чуткость к жизненному порядку, к гармоничному устройению обретают у Татьяны яркую и подчеркнутую форму. Она точно представляет, что ей нужно в жизни, и с трудом выносит возражения».

Спасибо Мурке

В «Копейке», куда регулярно наведываюсь, чтобы пополнить запасы холодильника, перед молочными пакетами и коробками в этот раз остановился в задумчивости. Что-то таинственное, как знак свыше, насторожило мое сознание, память. Что положить в тележку с уже отобранными продуктами? Мне нужен литр молока. Но какого? Что значит какого? Должны же быть обозначены качественные параметры предлагаемого молока. На разных с виду упаковках в рекламных целях напечатан обнадёживающий текст примерно такого содержания: «Молоко вкусное, полезное, очень хорошее». Естественно, вскрытие покажет степень соответствия этого бодрого заявления фактам. И всё же, есть ли что-то конкретное относительно качества молока? Есть! Процент жирности: 0,5 %, 1,5 %, 3,2 %, 3,8 %, 6 %. Это в нашей «Копейке». Наверное, где-то есть и другие проценты жирности.

Стало быть, если вам грозит сахарный диабет, тогда подходит 0,5 %, в крайнем случае – 1,5 %. Тем, кто обожает молоко жирное, ничто не помешает положить в тележку лианозовское, шестипроцентное. Я предпочитаю – 3,2 %. Неважно, какого молококомбината. Почему? В самом деле, почему? И вдруг заиграло, задудело, зашуршало в моей седой голове – проценты жирности позвали в такие временные дали, что невольно пришлось перебирать в памяти многое. И

вспомнилось. Почему жирность 3,2 % – всегда желанное, угодное мне молоко. Кстати сказать, 3,2 % – жирность эталонного продукта. Но у меня другая причина предпочтения. Можно сказать, историческая причина. Дело в том, что такой процент жирности, 3,2 %, всякий раз показывал прибор, погружаемый в бидон с молоком, который я ставил на металлический стол Лопасненского молокозавода. Владельцам коров в сталинское время был назначен госналог (около 400 литров в год). Зачёт вёлся по жирности сдаваемого молока. Запомнилось навсегда, что лактометр при определении жирности Муркиного молока, как правило, показывал 3,2 %. Мурка – это наша корова; многое в моей жизни с ней связано. Помню, бабушка так биографию Мурки любопытствующим поясняла: «Когда в тридцать первом Юрик родился, Мурка была вторым отёлом. Дай бог сказать да не солгать. Корова у семьи – благодать божья. Пусти бабу в рай, она и корову за собой поведёт. Сушая правда. Меня в рай не позвали. Нет и нет. Осталась в четырнадцатом году, как мужа на войне убили, одна с тремя малыми детьми. Без кормилицы-бурёнки тут хоть в петлю полезай. Но самое лихое лихолетье с коровой-то и пережили. Корова без клички – мясо. Тогда, в тяжкие годы войны и революции, выручала меня с моим выводком Зорька, а как завелась семья у старшего сына Саши, подумали-погадали, да и купили корову стельную Мурку. Попрекают иные: корове дали кошачье имя. Не о кошках думали, не до того. А как, бывало, придёт из стада наша умница

к воротам и трубит басовито: «Му-у-у! Му-у-у! Сама своё имя назвала. Разве не так? Ну кот Барсик пособил, правду сказать, вьётся под ногами и мурчит: «Мур-мур-мур!»

Завести корову надоумила моих молодых родителей, как уже сказано, бабушка Анна Игнатьевна. Много раз, предаваясь воспоминаниям, она рассказывала:

– Как чувствовала, пропадём без кормилицы. И вот случилась с Татьяной беда, какой сама-то не знала, потому как своих детей Сашку, Соньку, Серёжку кормила грудью. Поднялись они, один пригожей другого. А с Татьяной беда, и какая страшная, непонятная! Родился первенец, мальчик, и отчего-то, можно только гадать, непорядок в организме молодой матери: младенец грудь берёт, дудолит сиську, да видать впустую. Вытолкнет изо рта сосок и орёт, орёт, не переставая, аж посинеет весь. Привезли мать с младенцем домой – мальчик всё также криком кричит. Никто не может понять, в чём дело. Оттого и выпихнули роженицу с дитём из больницы: с глаз долой – из сердца вон.

Когда утром погожего августовского дня отец подсаживал на жёсткий, правда умягчённый охапкой сена, полукрестьянской телеги бывшую на сносях молодую жену Татьяну, роженицу терзала мысль об оставленной в конторе на произвол судьбы колхозной бухгалтерии. Председатель, полуграмотный мужик, как огня боялся казённых бумаг, отчётности – он рвал и метал, когда счетовод, бледная, до смерти перепуганная Татьяна Бычкова сказала ему, что муж везёт её в

Кулаковскую больницу рожать.

– Скажи, скажи, Татьяна, кому твоё бумажное хозяйство я могу доверить? Некому!

В этот критический момент возник скорый на ногу муж Татьяны и враз успокоил председателя:

– Что делать? Придётся вам подсобить. В выходной день приведу вашу несложную отчётность в порядок.

Авторитет известного, уважаемого всеми в Лопасне бухгалтера Александра Ивановича Бычкова возымел действие, однако организм роженицы был потрясён, и это привело к таинственным последствиям.

В доме настроение, близкое к отчаянию. Молодые, Александр и Татьяна, растерялись, поникли. Смотрят друг на друга, как виноватые, досадуют. Татьяна от ужаса блеее полотно. Бабушка тоже не знает, что и подумать, но ума и решимости ей не занимать.

– Надо ехать в Москву, к Софье, – сказала, как отрезала.

– Почему к Софье?

– К кому же ещё? Работает санитаркой в поликлинике МОГЭСа – правительственной электрической станции. Где ж, как не там, знающим людям быть?! Готовь ребенка в дорогу, Татьяна. Я с тобой – провожатой. Ты, Саша, иди на почту – пошлешь Софье телеграмму, чтоб ждала нас. Не ровён час, усвистит по легкомыслию.

Тон бабушкиных рассуждений был таков, что сомне-

ний, возражений не последовало. В большой комнате, зале, неожиданно воцарилась тишина.

Новорожденный, я то есть, умолк, словно взял в толк разумные бабушкины слова. А всю дорогу от Лопасни до Москвы и в Москве тоже, как вспоминали участники экспедиции по спасению жизни младенца Юрия от неизвестного недуга, орал я лишь изредка; обессиленный, затихал на минуту-другую на тёплой маминой груди – то у левой, то у правой сиськи, которые, как показал анализ материнского молока, питательного продукта мне, сосунку, не выдавали. Молоко только по виду было молоком – в нём отсутствовали белки, жиры, углеводы и витамины. Попросту сказать, я умирал от голода.

– Вот что, мамаша, – рассматривая близорукими глазами бумажку с данными анализа, благодумствовал могэсовский педиатр, – мальчик погиб бы от голода, задержись вы на день-другой. Теперь Юрий, то ж – Георгий Победоносец, вовремя вы ему придумали такое имячко, вне опасности. Его мои сотрудницы покормили донорским грудным молоком. Он блаженствует.

На глазах измученной до крайности Татьяны показались слёзы умиления, счастья, несказанной радости. Я, накормленный, спелёнутый по науке, мирно посапывал на материнской груди.

– Что будем делать, мамаша? Вы говорили мне, детской кухни в вашей Лопасне пока что нет. Не открыли ещё, а най-

ти кормилицу затруднительно, да и не по карману вам.

– Кто ж согласится, – испуганно встрепенулась мама.

– Скажите, у вас есть корова? Ведь вы живёте в сельской местности...

– Есть! Есть! Мурка, – подала голос бабушка.

– Это хорошо, что есть корова Мурка.

– В марте Мурка разродилась вторым телёнком...

«Телёнком» прозвучало в устах мамы, как «ребёнком», и всем вдруг стало легко. Весело рокотал бархатистый баритон доктора, смеялась звонко, счастливо золовка Софья Ивановна, моя тетка – организатор операции по спасению младенца Юрия. Доктор явно благоволил, глаз с неё не сводил. Ему нравилось быть добрым, компетентным. Он с особым удовольствием блеснул в разговоре с женщинами из провинциальной Лопасни своей учёностью. Доктор взял с полки книгу и неторопливо, внушительно стал читать:

– В состав молока входят: вода, белки, жир, молочный сахар (лактоза), минеральные вещества Zn, Ca, Cu, Fe, Al, Cr, Ti, витамины, ферменты, гормоны, иммунные тела, газы, микроорганизмы, пигменты. Оптимальное сочетание этих компонентов в коровьем молоке делает его заменимым пищевым продуктом для грудных детей, так как в нём есть всё необходимое для нормального роста и развития организма. Это теория, а практика будет такова...

Вполне довольный собой, своим научным авторитетом он обратился с вопросом к маме:

– Татьяна Ивановна... Я правильно запомнил имя, отчество, мамаша? Татьяна Ивановна, скажите, в вашем сельском доме есть рог?

– Что надо найти?

– Рог! То, чем корова, пока она ходит по земле, бодается.

– Таня, я видела в лопасненском доме рог, – включилась в важный разговор санитарка Софья.

– Да, есть! Есть у нас рог, – подтвердила бабушка.

– Так вот, вымойте рог, как следует, щёлоком. Прокипятите несколько раз. Просверлите отверстие небольшого диаметра, а подобие соска обеспечит резиновая, тоже с небольшим отверстием, соска.

Доктор извлек из ящика своего рабочего стола упакованную в аккуратный бумажный пакетик соску.

– Берите, мамаша, соску, владейте. В ней ключ к будущему вашего Юрия, Георгия-Победителя по-старинному. Софья Ивановна доложит мне о результатах спасательной операции, – он, многозначительно взглянув на санитарку Соню, стал прощаться с пациентами – уже приободрившейся молодой матерью и пока ещё синюшным от долгой голодовки её сыном – и вдруг остановил их неожиданным вопросом:

– А каков процент жирности молока вашей Мурки?

– Не знаю... Но молоко у Мурки очень вкусное.

– И полезное, – не преминула добавить бабушка.

– Считаю также, – с важным видом выразил чувство гордости коровьим рогом отечественный педиатр, – наше ста-

рое русское роговое приспособление бьёт по всем статьям сработанное рабами Римской империи (патриции рук не марили). Женщины Рима, если у них не было своего молока, кормили малышей заёмным с помощью керамических рожков в форме зяблика или поросёнка. Судя по тому, что глиняных зябликов и поросят археологи часто находят в саркофагах римских младенцев, пользы от керамики было мало.

После экскурса в историю лопасненцы и вовсе воспряли духом. Рог с надвинутой на него резиновой соской добрых два года сопровождал меня по жизни. Я очень скоро набрал вес и раньше своих сверстников встал на ноги. Стоя с коровьим рогом в руках, выглядел геройски.

В семейном альбоме хранятся две карточки, демонстрирующие эффект кормления Муркиным молоком. На одной мне около года. Фотография сделана в жаркий августовский день. Упитанный карапуз сидит на лавочке, болтая ногами. Меня посадили на лавочку в саду. Видно, что я научился ходить, но забраться на лавку самостоятельно не смог бы. Снимок бледный, любительский, неважнецкий. На мне смешное одеяние – летний комбинезончик трикотажный. Закрыто только тельце, живот, грудь, спина, на плечах «бойца» обращают на себя внимание две пуговицы, закрепляющие трикотажное изделие на фигуре маленького человека. Очевидно: мальчик хорошо развит для своего годовалого возраста. Щёки, шутили окружающие, со спины видать.

Другая фотография, сделанная в ателье, с явной целью

подвести черту под начальным периодом жизни первенца. В семье молодых супругов Бычковых наступил покой и благоденствие, счастливая жизнь, благополучие. Мальчику, к щекастой округлой голове которого прижались тесно родители, мать – слева, отец – справа, хорошо на этом свете. Ему два года. Он крепыш. Радует родителей осмысленностью взгляда. Спасибо Мурке! Как при мне вспоминали бабушка и Софья Ивановна, её дочь, я долго не расставался с рогом, в котором булькало вкусное и полезное Муркино молоко: ходил по дому и по улице с рогом и в возрасте, существенно зашкаливавшем за полные два года.

Телесная доброта сопровождал меня лет до пяти-шести. Мальчишка-сосед, взрослый по отношению к моим годам шалопай Васька Арефьев, бывало, как только завидит меня, орёт на всю Почтовую:

– Тощий-баски, дать тебе колбаски?

Тощий – это, так сказать, Васькина ирония насчёт моих щёк и прочего благоутробия, а приварок «баски» имел историко-футбольное происхождение. В тридцать шестом Испания – в огне гражданской войны, и тем не менее в Москву на матч со «Спартаком» прибыла из страны басков сильная европейская футбольная команда. Баски тут же стали притчей во языцех, предметом восхищения и судов-пересудов. Васька же не преминул прицепить к прозвищу «Тощий» словечко «баски» – название народа, живущего в западных провинциях Испании. Меня обижало не это двойное прозвище, а

назойливость, с какой Васька, жирный, здоровенный, с несообразной квадратной фигурой, неопрятный парень, завидев меня, выкрикивал на манер квакающей лягушки:

– Тощий-баски, дать тебе колбаски?

Однажды он так допёк меня своим ором, что я огрызнулся:

– Пукало-чекукало!

«Пукало» да с загадочным прибавлением «чекукало» задело моего обидчика и прилипло к нему, потому что было самой правдой. Васька, не стесняясь, издавал прилюдно непристойны звуки. Он пукал и на улице во время игры в чижика или в лапту, и на речке Лопасне при всей честной компании. Помнится, Васька тогда отвесил мне, карапузу, здоровенную оплеуху... и замолчал навсегда. Тощий-баски словно умер, скончался.

До сих пор в моём рассказе-воспоминании Мурка, как выражаются театральные люди, внесценический персонаж. Её молоко совершает чудеса, медицина растолковывает, в силу каких качеств сей природный продукт чудодействен, но о том, как она выглядит, как себя ведет в экстремальных ситуациях, ни слова.

Мурка – ярославна. Порода эта широко распространена в российском Нечерноземье. Масть её в основном чёрная. Только белый лоб, белая манишка на груди, белые чулки на ногах. Прогонистая наша Мурка – у неё растянутое туловище. Когда через открытые ворота она входит во двор, неволь-

но залюбуешься и по-доброму улыбнёшься. Вначале появляется гордая голова в чёрных очках, потом замечаешь изящные рога и чуткие уши. И потом уже осуществляется парад всех других частей её тела. Стройная шея, крепкие копыта, стройный корпус, чашеобразное большое вымя, подвижный придаток на конце туловища – коровий хвост. Войдя в тесное дефиле мощённого камнем двора, Мурка приветствует дом и его обитателей протяжным и ласковым:

– Му-у-у-у!

Наша Мурка покладистая, добрая, разумная.

Обычное дело, в те дни, когда выводятся в жаркую летнюю пору в массовом порядке слепни, оводы, мириады мух и прочих кровососов, пастухи пригоняют стадо в село для полудневной дойки и чтобы укрыть скотину от крылатых хищников в прохладных хлевах. Что тут за столпотворение происходит: по Почтовой улице мечутся, блеют заполошные овцы; покусанные кровопийцами коровы становятся бешеными – с рёвом пролетают мимо своих дворов. Как правило, взрослые в середине дня на работе – на хозяйстве ребятня и старухи. То же и у нас. Бабушка в полдень либо готовит обед, либо пол подметает, либо что-то зашивает, либо собралась передохнуть за самоваром.

Мурка, степенно отделившись от стада, направляется к Бычковым. Ворота закрыты. Она, толкнув рогом дощатую преграду на пути к стойлу и убедившись, что ворота закрыты, начинает требовательно мычать. Она загудела, и я, пер-

вым услышав Мурку, опрометью лечу на второй этаж:

– Ба! Мурка пришла! Просится домой.

– Истинная правда: мужик да собака всегда на дворе, а баба да кошка всегда в избе.

Так складно она сказала, что даже кот Барсик в знак согласия мяукнул.

Банная благодать

Врезалось в память, как бабушка, держа под мышкой таз, из которого торчит берёзовый веник, и в руке сплетённую из соломенных жгутов легкую, удобную сумку с банными принадлежностями, другой рукой влечёт за собой меня, пятилетнего отрока. Фабриканты Медведевы бани завели ещё в начале века, в Венюкове и Борис-Лопасне, в непосредственной близости от производственных корпусов и так называемых казарм, где проживали рабочие с семьями. Меня, несмышлёныша, по женским банным дням в силу семейных обстоятельств – больше некому мной заняться – бабка тащила в баню, если дело было в пятницу, то в венюковскую, а коли в субботу, то в борис-лопасненскую.

Медаль нам полагалась за банные походы – 3–4 километра пути и всё в гору, вовсе не прогулка, а именно поход, поскольку для немощной Анны Игнатьевны банное снаряжение и бутуз Юрка в качестве прицепа – чрезмерная нагрузка. У гипотетической «медали», разумеется, есть лицевая и оборотная стороны, аверс и реверс, так в старину выражались. Трудно сказать, какая ценней. Если признать в банных походах лицевой, казовой, стороной медали собственно банную процедуру, то обязан ей был я тем, что, раздумянный, отмытый до ядрёного телесного великолепия, выкатывался на улицу, поздоровевшим, обновлённым, а другой, оборотной,

стороне, реверсу, был обязан теми, полученными в моечном отделении и парной, незабвенными эстетическими впечатлениями (понятно, таких слов я тогда не знал, не ведал!) от созерцания и подсознательного освоения дарованного Богом-Творцом в утешение человеческому роду совершенной женской красоты.

Итак. Множество обнажённых фигур в покое и движении, в позах самых что ни на есть затейливых: динамичных и чарующих статикой полного покоя, энергичных или расслабленных, азартно размахивающих духовитыми вениками или прохлаждающихся под сильными струями душа.

Глаз не оторвать от многолюдия парной. Какие они там разные, эти женщины! Энергичные. Млеющие. Умиротворённые. Азартно колотящие друг дружку распаренными, нагнетающими печной малиновый жар берёзовыми вениками, испытывающими неземное наслаждение от пребывания на банном Олимпе, под самым потолком парной, где температура за сто градусов, где обольстительный горный дух заставляет восторгнуться, взбодриться каждую клеточку организма.

Спустившись с подпотолочных высей парной, Дианы и Афродиты счастливо возбуждены: их глаза светятся восторгом от только что пережитого экстремального состояния, их тела напоены азартом охоты за возвышающими душу ощущениями, не всем доступными соблазнами и полным умиротворением тож.

Некоторые дамы, буквально сползшие без сил с верхней площадки парной, имеют вид фурий, спускавшихся в преисподнюю в поисках избегших наказания грешниц: тела их источают жар, от перегрева пламенеют, светятся ярим огнём.

В моечном гулком просторном зале – мягкое, матовое свечение женских тел, контрастные парилке, благодные видения.

Щедро намыленная мочалка в руках подруги, банной компаньонки, разглаживает атлас роскошной плоти женской фигуры, расprostертой на каменной скамье, открытой для ласково-упругих прикосновений.

И ещё одно захватывающее дух зрелище – из поднятого над головой таза обрушивается водопад, образуя кривое зеркало, сквозь которое прихотливо, таинственно, акварельными цветными пятнами, проступают пышные женские прелести. Нечто близкое слышится в ощущении несказанного очарования, обаяния, прельщающей соблазнительности в стихах Пушкина.

Покров красавицы стыдливой,
Небрежно кинутый, у берега лежал.
И прелести её поток волной иривой
С весельем орошал.

Штудирова обнажённые модели, художники постигают сущность красоты. Живописцы Масловки – это городок художников в Москве – вскладчину нанимают модель (я тому

свидетель) и с упоением пишут «обнажёнку», сознавая, что это кратчайший путь к художнику в себе любимом. Подтверждение особой ценности банных наблюдений в музейных раритетах именитых русских художников Галины Серебряковой, Александра Герасимова, Аркадия Пластова, Бориса Кустодиева. Картины на банные сюжеты красноречиво говорят: сие – красота абсолютная, безусловная, совершенная, полная. На уровне стихийном, неосознанном, интуитивном мне, по благоволению, дарованному свыше, посчастливилось детской (чистый лист) памятью прикоснуться к сокровищнице, из которой черпает искусство. Запечатлелось и не растворилось во времени, благодаря совершенному механизму человеческой памяти, многообразию форм, живописное, ритмическое и пластическое богатство обнажённой натуры. Созерцая, запомнить, сохранить в зрительной памяти и с кистью в руке штудировать натуру – процессы родственные.

Божественная красота обнажённого женского тела, отложившаяся в зрительной памяти, впервые ожила, засветилась в дали прошедших десятилетий, ярко вспыхнула в моем сознании, когда летом 1955 года, попав на выставку картин Дрезденской галереи, я остановился, потрясённый, у полотна великого итальянца Джорджоне «Спящая Венера». Затем, в соседнем зале, последовало искушение Рубенсом.

Цветущая плоть (что-то вроде распустившихся пышных пионов) земных богинь Рубенса, полнокровность, совершенство форм и линий, чистота, душевный покой «Спящей Ве-

неры» Джорджоне и банные видения далёких детских лет в эстетическом сегменте памяти соединились. Уверен, без первичного ощущения, осознания на интуитивном уровне богоданной красоты женского тела не было бы глубокого эмоционального и духовного контакта с шедеврами Джорджоне и Рубенса.

Всякий раз, вводимый бабушкой за руку в гулкий, наполненный плавающим паром, плещущий вольной живой водой, банный женский мир по младости не сознавал того, что оказывался в царстве гармонии, совершенной красоты, хотя сама-то баня была неказиста как снаружи, так и внутри. Да, да, именно в банных походах, оказывается, во мне проснулся инстинкт красоты. Инстинкт, что значит, бессознательное, непреодолимое влечение, природное чутьё. Когда инстинкт развит, постоянно в деле, насколько богаче впечатлениями жизнь человека. Развитый инстинкт красоты, к примеру, помогает видеть, эмоционально воспринимать оттенки красок, градации тона в стремительно меняющейся цветовой гамме рассветов и закатов. Инстинкт красоты в залах картинной галереи дарит радость сопереживания с художником поэтической прелести ню – написанного красками обнажённого тела.

Не смог бы я стать искусствоведом, писать статьи, очерки, книги о художниках, скульпторах, если бы бабушка не брала меня с собой в пятничную и субботничную венюковскую и борис-лопасненскую бани.

Нередко третьей участницей этих походов оказывалась

баба Маша Завидонова, золовка Анны Игнатьевны, её закадычная подруга. Соскользнуло с пера словечко «закадычная», и оно оказалось самым что ни на есть необходимым по сути того, о чём хочу вспомнить. Среди банного антуража двух почтенных особ обязательно присутствовала «чекушка», то есть четвертинка водки.

– Спасибо Сталину за пенсию. Не было бы её, на что купили бы «чекушку» и селёдку «залом». И хлебушек, вкусный, покупной, всё с той же пенсии.

– Если бы, да кабы... Не дал бы Сталин пенсию... Нашлись бы деньги в другом кармане, и «чекушку» все равно купили бы, – отпарировала Анна Игнатьевна.

В середине тридцатых (старшее поколение помнит сталинское изречение-приказ: «Жить стало лучше – жить стало веселее») – им, Нюше и Маше, бывшим фабричным работницам, стали выплачивать пенсию, 25 рублей в месяц. «Банную радость», – шутили Мария Михайловна и Анна Игнатьевна.

На полпути от Венюкова или Борис-Лопасни до дома они обязательно находили одинокую березу, ивовый куст, цветущий бережок овражка, где и делалась остановка с обстоятельным застольем – неторопливым, с разговорами, воспоминаниями, даже песнями. Плавно и связно проходил их пикник. Всё, что требовалось для такого дела, было загодя припасено: скатёрка, закусочки, «лафетники». Это словечко «лафетник» из простонародного лексикона захотелось со-

хранить. В памяти хотя бы. Прости, читатель. Ведь уйдёт, если так не поступить.

И «Отче наш», как положено, перед трапезой подруги непременно с чувством читали нараспев и отроку конфетка или пряник всенепременно вручались в должный момент.

Банный день – праздничный день для них. Как не понять! И к этой благодати был аз неразумный приобщен не единожды.

Бабушка, мама, Крёсна и я

Муркино молоко, что божья благодать. Рос, набирался сил, здоровья Мальчик. Так меня чаще всего звали самые близкие люди – мама, бабушка. Именно с большой буквы – Мальчик. Как только, эдак года в три с хвостиком, встал на крепкие ноги, без удержу носился по дому и вверх-вниз по деревянной лестнице. Вылетал к ужасу бабушки, мамы, отца на булыжную Венюковскую дорогу, проходившую мимо нашего дома. Бешеную энергию, жажду движения следовало вводить в берега, направлять в нужную сторону. Ситуация с моей динамичностью грозила ещё и смертельной опасностью – мог запросто попасть под колёса пролётки или автомобиля. Это и заставило бабушку, моего основного воспитателя и наставника, забыть о тёплой печке и отдаться вояжам в Москву, к Софье – её дочери, моей тётке. Бабушка задумала переменить вектор моих устремлений, чтобы я не попал под колеса транспортных средств, мчащихся мимо нашего дома. То и дело жертвами растущей интенсивности автомобильного движения становились выбегавшие с птичьего двора на дорогу куры.

Готовилось первое путешествие – родители всполошились:

– Мама, ему всего три годика...

– Три, Таня, исполнилось первого сентября, а на дворе ко-

нец октября...

– И растёт ребенок там не по дням, а по часам, – пролепетал я.

– Стишок Юраша в детской читальне подхватил. Ты, Татьяна, не трясись, он уже большой. К тому же, Софья на Курском нас встретит.

– Обязательно отпрошусь с работы проводить вас.

– Не вздумай!

– Ну как же ты справишься? Вещей пропасть, ребёнок на руках...

– Кто тебе сказал, что на руках? На ногах он, да ещё каких резвых! Спешим мы с ним в баню. Четыре версты, почитай, и всё в гору. Юрка бежит впереди, веником размахивает, песни распевает. Плетусь сзади с кошёлкой банной да тазом, дивлюсь на него: «Какой молодец. Лётом летит!»

Я возрастал под покровительством Анны, что в переводе с греческого означает благодать, милосивость... Боже мой, сколько благодати – радости, доброты, разума от неё перешло к нам, внукам – Юре, Гале и родившемуся после войны Володе.

Бабушка Анна Игнатьевна, если выражает своё мнение, то не шёпотом, не вполголоса, а внятно, определённо. И речь, и походка у неё решительные, неторопливые. Суета? Это не про неё.

Имя Анна новозаветное, близкое к Богу. Крестили, венчали, отпевали её в лопасненской церкви Зачатия святой Ан-

ны. Так распорядилось Провидение. От имени Анна исходит мягкий свет. Красота, величие, надёжность в этом имени, что вполне совпадало со всем, чем восхищала меня бабушка.

Восемнадцать лет изо дня в день мои глаза видели её перед собой. Я учился у неё читать книгу жизни. Она безропотно несла свой крест, потому что знала – не бывает креста выше сил человеческих. О том, что происходило в её жизни без меня, непременно расскажу позже – расскажу со слов бабушки и тех, кто был с ней рядом до меня, а пока речь о том, чему свидетелем был сам.

На ком лежит воспитание стремительно растущего мальчика? Праздный вопрос. В силу обстоятельств на бабушке Анне Игнатьевне. Представляю, как у молодой, двадцатилетней моей мамы сердце кровью обливалось, когда она ранним утром бежала через бывший копыринский, а теперь колхозный, «Красного Октября», огород на работу. Счастье умыть, одевать, кормить, ласкать сыночка, её кровиночку, достаётся мамаше мужа, свекрови. И ревность подымается со дна души и сердце щемит от жалости к себе и ребёнку. А что поделаешь?

До Мальчика у неё руки не доходили. Даже в выходные дни ей не до меня. Как всегда неожиданно, красивый, статный муж, полубог в семье, попросит:

– Танечка, доставай наряды. Собирайся в гости. Идём к Пospelовым. Сегодня у Анатолия день рождения.

«А когда стирать, мыть с песком до янтарного свечения полы? – рассуждает про себя Татьяна. – Спасибо мать бес-
сменно с ребёнком, с Юриком, а на такие дела, как большая
стирка, мытьё полов у неё сил нет».

И молодая, так снисходительно называют в русских се-
мьях невестку, в следующее воскресенье, засучив рукава,
встаёт к дымящемуся едучим щёлоком корыту. (Мой сын,
скульптор Сергей Бычков, недавно, года два тому назад, со-
творил популярную композицию «Основной инстинкт» –
молодая женщина, склонившись над тазом, стирает. Конеч-
но, это и о том далёком времени, когда его бабушка Татья-
на Ивановна была привязана к корыту, как раб-невольник к
веслу на галере).

А ещё на молодой ответственностей пропасть: огород,
птичий двор, хрюшка в закуте, корова Мурка, полдюжины
овец.

Татьяна любит поговорить, но разговаривать-то ей вовсе
некогда. Соседки обижаются – зазнаётся, нос воротит.

– Поговорить с людьми некогда, – ищет сочувствия у све-
крови Таня, – да и сил нет на пустые разговоры. Устаю. Не
высыпаюсь.

– О чём с ними говорить? Переливать из пустого в порож-
нее, сплетничать?

На лавочке как-то соседки принялись обсуждать Татьяну,
причем в присутствии Анны Игнатьевны, К дому напротив
её затянул Юрик. Он прибежал туда играть в песочнице, а

как обойтись без бабкиного надзора?

– Невестка твоя, бабушка, слишком умная, видать. Куда нам! Помидоры-огурцы р6стит, а ты, Нюша, расти её ребёночка.

– Верна! Верна! – загалдели, заверещали кумушки.

– Что вам за дело, кто кого-чего р6стит? – осадил соседок бабушка. Сидите, лузгайте семечки да побольше помалкивайте.

– Что нам самим себе языки поотрезать, что ли?

– Дело ваше... Татьяну не трожьте! Она – труженица, а вам – трепаться бы только от утра до вечера.

– Фу-ты-ну-ты. Разошлась Аннушка, как лёгкое в горшке. Стремилловскую огородницу медведевская ткачиха ишь как защищает.

– У вас на задах лопухи, пупыри, лебеда да крапива – у неё грядки в полном порядке, встает она до зари, пустое не говорит.

Просифонила сплетниц бывшая ткачиха, взяла внука за руку и двинулась через дорогу к своему порогу.

Саму первопричину огородной перепалки, Татьяну, кумушкам видеть приходилось редко.

Поутру она пропылит вниз по Почтовой на работу в колхоз, это происходит задолго до того, как кумушки усядутся на лавочке, как куры на насесте, а возвратится домой в густых сумерках, когда жрицы посиделок разошлись, покинув насиженные места, чтобы вместе с курами лечь спать. У

Бычковых на кухне долго ещё горит настольная лампа – Татьяна, колхозный счетовод, составляет квартальный финансовый отчёт. Днём в колхозной конторе сидеть за отчётом нет никакой возможности, с разными надобностями идёт и идёт народ.

Юрка, Юра, Юраша, Мальчик. Вот сколько у меня имён! Сколько же пролилось на меня в детстве любви близких! Суший проливень!

Пятилетняя внучка Галя, существо ласковое и разумное, как-то спрашивает меня:

– Дедушка, где твои родители?

– На том свете...

– В раю? – Хорошо бы!

– Они Бога любили?

– Любили.

– Как тебя?

– Надеюсь.

Да, имён-прозвищ у меня на долгом веку, кроме детских, родительских, было предостаточно. В них всегда оценка личности и отношение к тебе; сие покорно принимай, если даже и неловко с прозвищами сосуществовать.

– Хоть горшком назови, только в печь не ставь, – с удовольствием повторяю я любимую бабушкину шутку.

Я на попечении бабушки, а ей на помощь в этом хлопотном деле спешит Софья – бездетная и до страсти детолюбивая её дочь. Мчится к мамочке и Юрику, которого любила,

ласкала, считая себя второй матерью. Упаси меня, Боже, судить о том, о чём не в праве судить никто, кроме самого Господа.

Бабушка болезненно переживала то, что внук у неё некрещёный. После истории с грудным молоком крещение Юрика ей представлялось делом наиважнейшим, неотложным и трудно исполнимым, ибо время – страх божий! Борьба «с религиозными предрассудками», со священством велась с большевистской прямоотой и беспощадностью. И в доме Бычковых, непонятно с чего и каким образом, возрос воинствующий атеист. На уроках Закона Божьего в церковно-приходской школе он позволял себе богохульные выкрики и разглагольствования в этом духе на переменах. Батюшка в присутствии всего класса называл за это Сашку Бычкова антихристом. Встретив на улице бабушку, священник суровым тоном определил: «Бандита растишь, Анна Игнатьевна». Чего греха таить, атеистом всю жизнь был мой отец, глава семейства. Что он насчет крещения сына-первенца думал, мне неизвестно, но знаю, что, когда началась в конце двадцатых годов антирелигиозная кампания, он приказал плачущей навзрыд матери иконы из красного угла убрать. Бабушка, скрепя сердце, приказание сына исполнила – для святых угодников нашлось до лучшей поры место в дальнем углу чердака под ветошью. Само собой разумеется, что крестить мальчика Александр Иванович посчитал делом невыносимым, в силу запретительных мер со стороны власти и своих антирели-

гиозных убеждений.

Этим он сильно огорчил мать и сестру. В до-большевистские времена в церкви Зачатия святой Анны крестили, венчали, отпевали всех Бычковых и Завидоновых. «Как же такое можно допустить? – рыдала, заламывая руки, Софья Ивановна: её дорогой, обожаемый Юрочка будет маяться некрещёным?! Но брат её, Александр, оставался непреклонным. Однако нашла коса на камень. Недаром София – Премудрость. Достоверностью не располагаю, могу только предполагать, догадываться, с какой это стати Софья Ивановна вскоре после того, как начались наши с бабушкой вояжи в Москву, стала именовать себя крёстной, то есть крёстной матерью. Никто из родни особенно не допытывался, как такое возможно. Дескать, хочется ей быть крёстной матерью и пусть будет ею. Сколько прошедших обряд крещения крёстных через какое-то время по обстоятельствам разного порядка забывают о своём материнском и отцовском долге! Крёсной, без «т» в середине слова, для душевности и простоты произношения, называли мы ее. Так и ушла она на тот свет Крёсной, с большой буквы. Крёсной матерью она всю жизнь была для меня и моей сестры Галины, родившейся в 1935 году, и для младшего моего брата Владимира. Софья Ивановна, Крёсная, ею и осталась в нашей памяти. В нас она души не чаяла.

Вояж в Москву

– Так-то вот, мальчик милый, старые кости опять захотели в гости. Прощай, квашня, я гулять пошла!

Бабушка, подарив мне засветившуюся на мгновенье в её глазах мечтательную улыбку, развела руками. Дескать, куда тебя несёт, старая, чего не сидится дома? Она занервничала, зевнула раз-другой, перекрестилась.

– Помяни, Господи, царя Давида, и всю кротость его.

Но решение принято, и начинаются сборы. Делается все основательно, старательно, с любовью. Вечером в большом глиняном горшке бабушка ставит опару. Муркино парное молоко, мука, яйца, разведённые в тёплой воде сухие дрожжи – составные части для ведения процесса. Горловина горшка накрывается чистым ситцевым фартуком. Горшок с опарой ставится на табурет вблизи печки. Бабушка, как обычно, переживает: взойдёт – не взойдёт. Наконец опара начинает бурно подходить. Бабушка, подболтав муки, сноровисто пробивает замес двумя кулаками, делает это старательно, энергично, словно доит корову на полднях. Устаёт. Переводя дыхание, вытирает уголком головного платка бисеринки пота, выступившие на лбу и висках. Теперь, пока тесто не поспеет и отойти нельзя. Обсыпав мукой дощатый разделочный лоток, наконец-то вываливает на его поверхность вязкую массу. Охорашивая пышное, золотящееся

сквозь мучную пудру тесто, любитесь колышущимся, сдобным полуфабрикатом. Наготове два противня, это специально изготовленные для выпечки железные прямоугольные листы с закрайками.

Противни и всё другое, что сделано из листового железа – печная заслонка, вьюшки, самоварная труба и водосточные трубы на фасаде дома, – сотворил жестянщик дядя Митя, Дмитрий Игнатьевич Завидонов, брат бабушки Анны Игнатьевны, мой двоюродный дед. Отношения между близкими родственниками, право, чудные. Заказчик – подрядчик. Почему так – не знаю, и догадок строить не стоит.

– Уж таким уродился, видать. У него и с женой счёты-расчёты, как с чужой.

Бабушка ножом отрезает от валуноподобной золотящейся массы теста пирожковые порции, раскатывает их, не забывая подсыпать муки на лоток, кладёт на каждый такой блин столовую ложку капусты, сдобренной сваренным вкрутую и мелко порубленным яйцом. Легкими движениями пальцев формирует пироги и помещает их на противень. И так сноровисто, не останавливаясь ни на мгновение, творит у меня на глазах пироги, заполняя ими противень. Второй противень таким же манером наполняется ватрушками. Обмакнув гусяное перо во взбитый в топлёном коровьем масле яичный желток, смазывает этим лакировочным раствором пироги и ватрушки, наполнившие противни.

Русская печь к этому моменту прогрета, как следует, дву-

мя охапками берёзовых дров, под освобожден от углей и золы. Остаётся задвинуть противни в печь и железной заслонкой прикрыть чело. Часу не пройдёт, как пироги и ватрушки, явленные из печи, с пылу, с жару, можно пробовать. Я тут как тут. Бабушка подаёт мне горячую, обжигающую руки ватрушку. Подув на неё минуту-другую, пробую ароматную ватрушечную плоть. Вкуснотища!

– Пироги с капустой – любимая Сониная еда, а ватрушки – это улада Петина, – поясняет бабушка.

Она мысленно представляет, с каким наслаждением Петр Липатович будет лакомиться тещиными ватрушками с золотистой корочкой. Как вонзятся его крупные, крепкие, белые, что молоко, зубы в хрустящую корочку сочной, сладкой, пропечённой ватрушки и разольётся по комнате аромат домашнего творога, творога, сотворенного из Муркиного молока...

В дар московской родне завтра повезём ещё и печёного гуся. Повезём две глиняных крынки томлёного молока.

Как только вынули из печи противни с аппетитными румяными пирогами и ватрушками, туда же, на подовые горячие кирпичи, ловкими манёврами рогатого ухвата задвинула бабушка крынки с молоком. Вот уже и железная гремящая заслонка притиснулась к печному челу. Там, в печи, пусть теперь совершается очередное чудо преображения.

Молоко томится в медленно остывающей печи и обретает драгоценные качества. Словами не описать бесподобную красновато-коричневую корочку, которая, словно фирмен-

ный, знак запечатала содержимое крынки. Вкушая эту молочную прелесть, понимаешь, на какие чудеса способна русская печь. Белое-белое, монотонное, как снег или вода, молоко, побывав в печи, становится продуктом колористически богатым. Под коричневой корочкой собираются в изрядном количестве ароматные, сладкие, томлёные, побуревшие от жары, тающие во рту сливки. Мудрено отделить от корочки, запекшегося самого верхнего слоя, вытесненный наверх, до предела уплотнённый печным жаром молочный жир. Это то, что названо вкусным словом пенка, пенка с томлёными сливками. Одинаково страстно любили эти сотворённые бабушкой в русской печи пенки как Петр Липатович Лугов, которому в Москву везли томлёное молоко, так и внук Юрий, находившийся ближе всех к вожделенным пенкам.

Возле ног бабушки, орудовавшей кочергой и ухватами, постоянно вертелись кот Мурзик и я. В небольшом чугушке кипела, музыкально булькая, похлёбка к обеду. Это или суп с сушёными белыми грибами, или мясное первое блюдо – картофельный суп с бараниной или свиным мозжечком и рёбрышками. Ещё вкуснее становится похлёбка, когда в чугунок к картошке и мясу бабушка добавит горсти две крупы-ядрицы. Меня, вернувшегося с гулянья или после долгого купанья в речке Лопасне, бабушка, ласково приговаривая, угощала супом:

– Похлебай, мальчик, жиденького, горяченького.

Отсутствием аппетита её внук не страдал: молниеносно

оказывался за столом, у самого окна, чтобы видеть, что делается на улице, придвигал к себе тарелку и азартно хлебал.

– Ешь с хлебом, – поучала бабушка. – Похлёбка от хлеба происходит – хлёбово. Запомни пословицу: «Мы работы не боимся – было бы хлёбово».

Расправившись с первым, да так, что тарелку не надо было мыть, я принимался облизывать ложку.

– Похлебал да и ложку облизал. Молодец!

В печи, дожидаясь своей очереди, прела гречневая каша. Не могу не признаться, что и теперь, пребывая в больших годах, ем кашу гречневую и обязательно с молоком, а это ещё одно хлёбово.

Известна всем и каждому байка про то, как в крестьянстве нанимали работника. Хозяин сажал батрака за стол и смотрел, как тот ест. Споро или лениво. Считалось, как за столом, так и в поле: лениво ест – лениво будет работать.

Бабушка в моей памяти неотделима от печи, сочетается с ней – вижу её легкую, словно без плоти, кожа да кости, высокую фигуру. Несуетная, достоинство своё строго блюла. В длинном, свободного покроя, неброского цвета платье, в шерстяной, вязаной безрукавке. В старости ей и вблизи печи зябко.

– Кровь не греет, – жаловалась бабушка, однако не помню, чтобы когда-либо она в расслабленности лежала на горячих печных кирпичках. Забот вокруг русской печи хватало на полный день, без роздыха. И вечером ей приходилось то

об одном, то о другом вспоминать.

– Батюшки, сухари мои как бы не обуглились – заслонка-то так и пышет жаром.

Раз в неделю пекли подовый хлеб. А это такая духмяная радость, что и передать нельзя. Бабушка, достав испечённый на тщательно выметенных накалённых кирпичках хлеб, непременно отламывала край небольшого кругленького хлебца. Тёмная плотная корка, ржаной дух, сытная, вкусная, хорошо пропечённая хлебная сердцевина – радость на сердце. Хлеб – имя существительное – задолго до школьного урока на эту тему я сие усвоил, как «Отче наш».

А ещё памятны ржаные лепёшки на сале да с кружкой топлённого с пенками молока, чтоб вприкуску. Выглядело это бабушкино угощение по переданному на ушко заказу внука весьма забавно. Лепёшка до того была хороша, что я не успевал осознать, что вот лежала на столе круглая, плотная, сытная, красивая – и нет её, а в кружке молока ещё порядочно осталось.

– Ба, лепёшка кончилась, а молока – полкружки...

– Да я тебе дам другую. Ешь на здоровье, касатик.

Касатик, так нередко случалось, нечаянно или по умыслу, до того вкусна была вторая лепёшка, на этот раз нажимал больше на молоко, и оставалась у него в руках половинка печёного чуда, а в кружке – пустота. И снова покаяние и просьба.

– Ба, смотри, лепёшки так много осталось, а молока – ни

капли.

Ржаные бабушкины лепёшки из русской печи некоторое время спустя стали полулегендарным лакомством. В школе я сидел за одной партой с Руфкой Петровым, и жили мы близко друг от друга. На Почтовой пятистенка – особнячок первого секретаря Лопасненского РК ВКП(б) Ивана Ивановича Петрова, и дом Бычковых находились рядом только дорогу перейти. Руфка у нас едва не каждый день бывал – то заходил спросить про то, «что по ботанике задали», то, узнав от меня, что Анна Игнатьевна «нынче лепёшки будет печь», оказывался кстати у нас в доме по ещё какому-то срочному делу. Руфка, придя домой, делал матери, нашей учительнице математики Екатерине Федоровне, суровый выговор:

– Чем ты меня кормишь? Супы да каша пшённая. Юркина бабушка Анна Игнатьевна лепёшки такие печёт... знаешь, пальчики откусишь.

Само собой, Екатерина Федоровна делилась своей бедой с мужем: «Не умею, дескать, печь ржаные на сале лепёшки, как Юрке Бычкову его бабушка Анна Игнатьевна печёт едва не каждый день». Иван Иваныч, естественно, пересказывал плач жены Катерины как веселую байку товарищам по партии. Так и творилась легенда про бабушкины лепёшки. Почему легенда? Сущая правда то, что лепёшки были вкусные, как и круглые ржаные хлебы из русской печи.

Далеко, однако, бабушкина печь увела от намерения вспомнить, как вояжировали мы в середине тридцатых го-

дов двадцатого столетия по маршруту Лопасня, Почтовая, 23 – Москва, Садовническая улица, дом 25, квартира 16. Дом-новостройка возведён был вблизи Устьинского моста. Замечательный дом...

Нет, господа-товарищи, трудно, очень трудно оторваться от бабушкиной печи, от лопасненского детства. В Москву успеем попасть!

Зимой тридцать шестого, когда подросток, не школьник ещё, но и не карапуз, которого надо водить за ручку или катать в саночках, подарил мне отец санки, чтоб с горок спускаться. Ещё не перевелись к тому времени в Лопасне саночники и отец Александр Иванович их знал, поскольку раньше был налоговым инспектором всех надомников. Хорошо знал он саночника – изрядного выпивоху Костю Кольцова. Ему-то он и сделал заказ. Спрыснули они заказ, как положено. Года не прошло – (мама ругалась: «И не надо было с ним выпивать – вот он потому из тебя верёвки вьёт») мастер принёс саночки, что называется, с доставкой на дом, пусть и с годовой задержкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.